

бе по самой сути, мне казалось невозможным. Причина нашего расставания была только в этом. Она замечательная женщина, но – не моя!

– После разрыва с такой сильной женщиной, как Татьяна Васильевна, тяжело было восполнить внутреннюю пустоту?

– Да, я очень переживал разрыв, хотя и понимал, что он неизбежен. Через какое-то время, когда старые раны затянулись, я познакомился с Галей Мшанской, красивой, доброй и очень чуткой женщиной. Она работала на ленинградском телевидении, а я играл там во многих спектаклях. С Галей у нас сразу установилось полное взаимопонимание почти по всем вопросам. Я сделал ей предложение, и вот мы женаты по сей день. Очень счастливы и не жалеем ни секунды, что объединились. К тому же Галя подарила мне двух красавиц-дочерей – Олю и Ксению.

Сейчас она по-прежнему работает на телевидении, у неё своя программа на канале "Культура" – "Царская лоджа". Прибегает с вечерней записи, отсматривает горы кассет и прикидывает сюжеты для новых программ. Однажды ночью я никак не мог уснуть. Галя тоже не спала, и я спросил её, о чём она думает? Она серьёзно ответила: "О трансфокации и перекрёстном монтаже!" Я почтительно умолк.

– В семейной жизни вы покладистый человек?

– Да, Галя у нас главная. Роптать не приходится. Галя для меня авторитет, как она скажет, так и будет, – я полагаюсь на её вкус и чутьё. Ведь она очень мудра, к тому же мне приятно, что ей пишут со всех концов страны – писем от поклонников она получает больше, чем я.

– Не ревнуете?

– Я уверен в себе и в ней. Вот пример: я попал в большую аварию, "поломался" изрядно, но сам ложиться в больницу не хотел, рассчитывал дома отлежаться, полагался на извечное "авось". Галя сгребла меня в охапку, сказала, что ей не нужен инвалид, и насильно отвезла в больницу. Месяц вместе с врачами Института скорой помощи она не отходила от меня... Это не красивые слова – с работы она мчалась ко мне и месяц не отходила от койки. Дочери готовили и привозили в больницу еду на двоих...

– Какой-то у нас с вами медово-пряничный образ вашей семьи получается...

– Что вы, какой мёд, какие пряники! Я совсем не подарок! Дико вспыхив, захожусь с пол-оборота. Чтобы меня терпеть, нужен ангельский характер.

– Вы когда-то сыграли зека в "Вокзале для двоих". А самому с

криминалом сталкиваться приходилось?

– Недавно ехал по Невскому в машине, остановился. Подошли ребята не хилой наружности, попросили подвезти, я сказал, что извозом не занимаюсь. Они исчезли, вдруг появились вновь с розой в руках: "Держите – это вам, братва вас уважает!"

Более продолжительный опыт общения с этой публикой у меня был в Икшинской колонии для несовершеннолетних. Мы снимали заключительные эпизоды "Вокзала для двоих". Та колония славилась своим начальником, который старался всех своих подопечных обучить ремёслам, чтобы те после освобождения работать шли. Конечно, жизнь зеков у Рязанова неправдоподобно украшена, очень уж тёплыми в картине выглядят наши отношения "за колюч-

кой". Я видел другую, не картинную сторону взаимоотношений заключённых. Страшно, хотя в целом они нормальные ребята. Поначалу их бесило, что знаменитый артист, сытый и довольный, переоделся в бушлат и стал корчить своего. Вот тащат они мимо меня лист железа для чистки снега и всячески стараются этим листом мне по ногам ударить как бы незаметно. Я их остановил и сказал: "Ребята, чего вы хотите? Я здесь такой же подневольный, как и вы; я выполняю своё дело, а если думаете, что стучать на вас пойду, так не дождётесь вы от меня этого. А теперь бейте железом по ногам!" Моментально подействовало. В столовой снимали много дублей. Каждый раз мне приходилось баланду доедать, а им запрещали. Я раз съел, ещё принесли, снова съел, потом третью миску дали. Я вынужден был съесть и её.

Рязанов недоволен. Приносят новую миску. Я из неё тихонько стал кашу пере-кладывать в их тарелки. Меня даже уважали. Один парень попросил в фильме произнести его фамилию, чтоб он в историю вошёл, и Рязанов разрешил. А потом, когда картину сняли, мы привезли её показывать в колонию – зеки стали первыми зрителями.

– С грузинской частью вашей родни поддерживаете отношения?

– Недавно был в Грузии. Поехал на землю предков посмотреть. Это деревня Карби, а рядом речушка Ряхва. Спросил у стариков о земле Басилашвили. Они ответили: вся деревня! Сказал, что я внук Ношревана и правнук Кайсосоро. Они вскопили, и через полчаса вся деревня готовила нам стол. Каждый нёс, что мог, – пир был горой. Я думал, узнали известного артиста, один грузин обнимал меня после каждого тоста. Потом спросил: "Вы меня по телевизору видели?" Он в ответ показал мне здоровенные руки – все в мозолях, волдырях и чёрные от постоянной работы на земле. Телевизора в той деревушке отродясь не было. Они и не слыхивали о таком народном артисте Басилашвили. Когда я уезжал, они сказали мне: "Батоно! Приезжай, когда хочешь, земля – твоя, ты внук Ношревана, а значит, наш – стройся, всем селом придём помогать!"

– А как ваша депутатская карьера?

– Сейчас никак. В 90-м стал депутатом Верховного Совета. Это нужно было для того, чтоб помогать всем тем, кто ко мне обращался как к народному артисту СССР. Меня любят, вот я и решил отплатить взаимностью на деле. Потом с политикой завязал.

– Почему же?

– Сердце. Попал в больницу. В нашей стране диагноз "порядочный человек" здоровья не прибавляет. После одного из заседаний, на котором я активно защищал демократию и молодого Гайдара, на выходе из гостиницы "Россия" я попал в руки "товарищей" с красными флагами. Мне бросали в лицо горсти монет, потом плевали в лицо и били... Самое мягкое, что тогда я услышал, – "жидовская морда"... Фильм "Пророчество", снятый тогда же, – это во многом автобиографическая история.

– Говорят, вы купили недавно в Москве комнату в коммуналке. Что это – ностальгия по вашему московскому детству?

– Да, мог бы купить однокомнатную, правда, не в центре, но в моей клетушке мне лучше дышится. Там меня охватывает чувство возвращения домой, в Москву. В моё голодное, но всё-таки счастливое детство. ■

В оформлении материала использованы кадры из фильма "Вокзал для двоих"

Фото на обложке В. Плотникова